
ЧЕЛОВЕК В МИРЕ НЕПОСТИЖИМОГО

УДК: 81'374.3

Л.О. Чернейко

МИФОЛОГЕМЫ СОЗНАНИЯ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, avollis@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме отображения действительности сознанием, но не в логической, рассудочной форме, а в интуитивной, когда языковой знак представлен в ореоле его восприятия носителями культуры, в ореоле его символической значимости. В качестве предмета лингвистического описания выбрано слово абракадабра – семантически сложный знак с аксиологической функцией, но не утративший в современной культуре исторически присущей ему магической функции.

Ключевые слова: миф; мифологема; символ; фоносемантика; семантический дифференциал; палиндром; абсурд.

Поступила: 04.02.2018

Принята к печати: 12.04.2018

L.O. Cherneyko

Mythology of consciousness: Verbalization and interpretation

*Lomonosov Moscow state university
Moscow, Russia, avollis@mail.ru*

Abstract. The article focuses on representation of reality by consciousness, not in a logical, rational form, but in an intuitive one, when the language sign is represented through its perception by representatives of a certain culture, through its symbolic significance. The word Abracadabra, a semantically complex sign with an axiological function, is chosen as the subject of linguistic inquiry. It is demonstrated that it has not lost its inherent magical function in the modern culture.

¹ © Л.О. Чернейко, 2018

Keywords: myth; mythology; symbol; phonosemantic; semantic differential; palindrome; absurd.

Received: 04.02.2018

Accepted: 12.04.2018

Слишком много раз душа у меня действительно уходила в пятки, чтобы я принимал это за метафору.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа

Миф

С понятием «антропоцентрическая парадигма», определившим вектор современных не только лингвистических, но и всех гуманитарных исследований, коррелирует термин «миф» в том его понимании, которое представлено А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа». Философ раскрывает миф не в узко-литературоведческом смысле как «рассказ о богах и героях», а в широком, который апеллирует к когнитивным возможностям человека, не ограниченным логикой и рациональностью. Если из определений А.Ф. Лосева [Лосев, 1994, с. 71–73] выбрать наиболее важные параметры мифа, то получится такой семантический портрет: миф это а) «не... метафизическое построение, но реально, вещественно и чувственно творимая действительность»; б) «необходимая категория сознания и бытия вообще»; в) выделяемая из действительности «сфера подлинно жизненного взаимоотношения субъекта и объекта»; г) «символически выраженная субъект-объектная отрешенная действительность», предстающая «перед нами как до-рефлексивное, примитивно-интуитивное взаимоотношение субъекта и объекта». Курсивом выделены наиболее важные моменты логического постижения сути мифа, очерчивающие его границы. Но и сам А.Ф. Лосев подвел краткий итог своему рассмотрению мифа, определив его терминологически как «символически осуществленную интеллигенцию» (по Лосеву, самосознание – Л. Ч.) [Лосев, 1994, с. 73]. Замыкает логическую цепочку аргументации предложения, в которой термины «миф» и «личность» смыкаются: «личность и есть символически осуществленная интеллигенция» [там же]. Простая подстановка терминов «миф», «символ», «личность» показывает их функционально-семантическое родство в концеп-

ции философа. Однако, не удовлетворяясь установленной им степенью родства, А.Ф. Лосев дает, по его выражению, «наикратчайшее резюме» всего анализа: «**миф есть бытие личностное** или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» (выделено А.Ф. Лосевым. – *Л. Ч.*) [Лосев, 1994, с. 73]. Личность же, согласно его концепции, принципиально символична.

Мифологическое мышление

От изучения мифа XX век переходит к изучению мифологического (мифического) мышления и, шире, мифологического сознания (его своеобразие раскрыл Э. Кассирер) как самостоятельной формы бытования культуры с присущим ей способом символической объективации психоэмоциональной сферы человека. Работу над текстом «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев завершил в 1930 г., но на философский труд Э. Кассирера он откликнулся практически сразу же после появления одного из трех томов «Философии символических форм» (1925–1926). Существенное значение для современной антропоцентрической парадигмы имеет, как представляется, основное философское положение концепции Э. Кассирера – это лишение логики ее универсального статуса, который передается всеохватной «символической функции» сознания, в чем А.Ф. Лосев и усмотрел близкую ему проблему «мифического мышления» [Лосев, 1998, с. 731]. Мифологическое мышление – это одна из наиболее универсальных форм отображения бытия, использующая символ как простой знак для «классификации и интерпретации мира, общества и самого себя» [Токарев, Мелетинский, 1980, с. 18].

По краткому определению Э. Кассирера, символ есть «ключ к природе человека» [Кассирер, 1998, с. 469], т.е. к его мифологическому сознанию. Что касается самого понимания символа Э. Кассирером, то суть и ценность его А.Ф. Лосев усматривает в синтезе логического и алогического, ареной борьбы которых является «интеллигенция», т.е. «самосознание и самочувствие» [Лосев, 1998, с. 756]. Однако для лингвистической аргументации символичности и мифологичности сознания больше подходит определение Э. Фромма: «Символический язык – это язык, которым мы выражаем внутренний опыт, как если бы он был чувственным

опытом, как если бы он был чем-то, что мы делаем или делали в мире вещей» [Фромм, 1994, с. 14]. Причина, объясняющая онтологическую необходимость метафоричности языка и сознания, кроется в проекции всего непонятого, неизвестного на элементы эмпирического опыта обыденной жизни. А поскольку «существует бесчисленное множество вещей за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые мы не можем определить или полностью понять» [Юнг, 1991, с. 57]. Именно это методологически важное положение является основой широко известной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем».

Абстрактное имя (субстантив)

Положение о том, что абстрактные имена играют основополагающую роль в духовной жизни социума, вполне тривиально. Нетривиальной представляется позиция И. Канта, который писал о том, что «представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант, 1966, с. 202–203]. Аналогичную мысль высказал и Ш. Балли: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли, 2001, с. 221]. Из этой позиции следует, что думать и рассуждать о значимых для культуры и потому «переживаемых» абстрактных предметах (сущностях) возможно только с привлечением для их имен «вторичных предикатов» – глаголов (а также дескриптивных прилагательных и конкретных существительных), не утративших своих буквальных «физических» значений, стандартные актанты которых являются источником наглядности (или вторичного опредмечивания) для абстрактной сущности и существуют в виде ее проективных смыслов (подробнее см.: [Чернейко, 2009; 2012; 2015]), например: МЫСЛЬ – *пришла, давит, тревожит; потерять* мысль; *нить* мысли; *тяжелая, легкая* (легкомысленный), *светлая* мысль.

Главная онтологическая (философская) особенность этих сущностей состоит в их принадлежности миру интеллигибельно-

му, далекому от эмпирического опыта, в отсутствии наглядности, а значит, и свойств, что на языковом уровне проявляется в наличии чужих, «вторичных предикатов» имен этих сущностей, окружающих эти имена в результате обязательной проекции умопостигаемого на видимое, без которой об абстракции невозможно ни думать, ни рассуждать [Чернейко, 2015 а]. И чем выше степень «переживаемости» социумом той или иной абстрактности сущности, тем выше степень ее мифологизированности культурой, а мифологизируется все то, что не имеет опоры в эмпирической действительности. Что касается мифологичности, то ее можно считать «свойством всех имен невидимого мира» [Чернейко, 2010, с. 97], которое определяется а) «невидимостью» абстрактной сущности и б) ее значимостью («переживаемостью») для культуры в целом и /или для индивидуума (ВЕРА, ВИНА, ДОЛГ, ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, СЧАСТЬЕ, ТРУД и подобное). В последние годы этот список экзистенциально значимых слов отечественной культуры пополнило достаточно часто встречающееся слово ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Мифологема

Расширение понимания термина «миф» в XX в. привело к расширению зоны его референции, охватившей различного рода социальные представления, такие как, например, равенство, власть, свобода, справедливость. О них можно сказать, что они «фикции» общественного сознания, если ими манипулирует власть, а можно считать их той «мерой», которую человек «прикладывает к миру реальных вещей: к своему поведению, к поведению других, к отношению людей друг к другу и к миру» [Чернейко, 2010, с. 111], к экономическому статусу, своему и других. В XX в. появилось также понятие «мифологема», трактуемое как «мотив мифа, его фрагмент или часть, получающие воспроизведение в поздних фольклорных и литературных произведениях» [Культурология, 2007, с. 1331].

Термин «мифологема» свободен от коннотаций и утвердившейся денотации термина «миф», поэтому он более подходит для квалификации таких языковых феноменов, которые по своему семиотическому статусу не могут претендовать на истинность вери-

фицируемого знания – это уже названные абстрактные имена, составляющие основной список так называемых «культурных концептов». Особое место среди них занимают «ключевые слова культуры». Термин «мифологема» можно считать утвердившимся для обозначения всего того, что основано на представлении субъекта об интенциональном объекте, которое не подлежит верификации, например, мифологеми устройства вселенной – ее макро- и микромиров. Что касается лингвистики, то статус мифологем можно приписать всем ключевым субстантивам культуры.

«Абракадабра»

К особому классу абстракций относятся такие оценочные имена, в которых оценка направлена на сказанное или услышанное слово, на речь – это метаоценки (подробнее см.: [Чернейко, 1990]). В группу слов, в которых происходит оценка речи по параметру ее понятности воспринимающему субъекту, попадает имя АБРАКАДАБРА. Организаторы решили присвоить это имя VI Московской международной биеннале молодого искусства 2018 г. Перед участниками круглого стола (20 декабря 2017 г.) были поставлены вопросы, ответы на которые позволили бы организаторам утвердиться в мотивированности своего выбора. Вполне прагматическая задача, поддающаяся лингвистическому осмыслению.

Если интегрировать лексикографическую информацию, представленную в наиболее авторитетных толковых словарях (С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков, Малый академический словарь), то вырисовывается современный портрет семантической структуры слова. Словари сходятся в том, что слово однозначное, сфера его применения ограничивается непонятностью сказанного, в соответствии с чем значение его определяется как «бессмысленный, непонятный набор слов (первоначально: таинственное персидское слово, служившее спасительным магическим заклинанием)» [Ожегов, 1990]. Расширение сферы употребления слова возможно за счет его применения к рисункам, надписям, мелодиям и даже ситуациям, но с одним обязательным семантическим условием – референт оценивается как вещь непонятная: *Правда, бывает трудно уследить*

за всеми резкими поворотами и финансовой абракадаброй¹ (речь о фильме); Триумфатором быть сложно. Проще писать антимузикальную абракадабру, провоцирующую у слушателей рак ушей, и называть это андеграундом². Таким образом, при расширении зоны референции смысловая константа слова остается неизменной — это непонятность того, о чем идет речь, но чаще всего так оценивается говорящим услышанное или увиденное им слово (текст), что и позволяет включить его в семантическую группу метаоценок.

Таких слов в русском языке немало (и своих, и заимствованных), например: АБРАКАДАБРА, АБСУРД, БЕЛИБЕРДА, БЕССМЫСЛИЦА, БРЕД, ВЗДОР, ГАЛИМАТЯ, ЕРУНДА, ОКОЛЕ/ЁСИЦА, ЧЕПУХА, ЧУШЬ (они подробно описаны в работе [Прокубовский, 2009]). Но почти все эти слова, выступая, как правило, в роли второй реплики диалога и выражая рациональную оценку сказанного другим как непонятного, осложнены оттенком фамильярности и / или пренебрежительным отношением к «другому», что в словарях должно передаваться соответствующими пометами, но наиболее частой является помета «разг.», указывающая лишь на ограничение сферы его функционирования. Слово АБРАКАДАБРА занимает в этом ряду особое место, которое определяется его древними корнями и принадлежностью к оккультному знанию вне зависимости от того, к какому языку-источнику относит это слово этимология.

Этимология

Представление о происхождении слова не является единым, но и в нем вычленилась общая часть — это заклинание, т.е. слово магическое. В.И. Даль определяет его как «таинственное слово, перешедшее от древних евреев и греков», и как род заговора («особенно от лихорадки»), пишется он «треугольником и носится в ладанке» [Даль, 1981, с. 2]. М. Фасмер считает посредником немецкий язык, относит появление слова на Руси к XVI в. и трактует

¹ Пример из: Огонек. — 2018. — № 11.

² Пример из: Арбенина Д. Тильда. — М.: АСТ, 2018.

его как «заклинание на амулетах» [Фасмер, 1986]. В Германии¹ это слово известно также с XVI в., использовалось оно в двух функциях – как заговор от зубной боли и как магическое слово при совершении трюка. В этой роли оно выступает и в наши дни, когда иллюзионист демонстрирует публике свои фокусы. Немецко-русский словарь отмечает два значения слова: 1) бессмыслица, 2) заклинание, волшебное слово [Немецко-русский словарь, 1992, с. 35]. «Магической “абракадаброй”» назвал К. Бюлер «фонематически корректные, но бессмысленные звуковые образования», которыми «пользовались чародеи всех времен» [Бюлер, 1993, с. 64].

Наиболее полную и правдоподобную информацию о слове дают два словаря: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Брокгауз, 1890] и Словарь иностранных слов [Современный словарь иностранных слов, 2000]. В этих словарях представлены сведения о происхождении этого слова и о том его графическом виде, в котором оно существовало, предлагается также версия происхождения – язык каббалистов и связь его с древнееврейским *arba-dak-arba* [там же]. Анализ существующих авторитетных этимологических источников достаточно скуп на версии происхождения этого таинственного слова, но главное в том, что никакие лексикографические источники не предлагают своей аргументации причин его долголетия не только в России, но и в Европе. Конечно, в истории слова важную роль играет его связь с магией, но остается открытым вопрос: а нет ли в самом этом слове чего-то такого «магического», что требует дешифровки или просто версии.

Демон «Абракадабра»

Опрокинутый магический треугольник с именем, лежащим в его основании, стал одной из главных тем романа Алексея Иванова «Комьюнити», а имя «Абракадабра» присвоено герою-демону, несущему миру не бубонную, но айти-чуму. Наиболее точно мотивация имени главного героя – айти-чумы XXI в. – проявляется в

¹ Эти сведения и ссылка на словарь любезно предоставлены В.В. Потаповым: *AbraKadabra – (das – средний род) verwendet (als Zauberformel) von Zauberkünstlern, befor sie einen Trick vorführen [Deutsch als Fremdsprache. – 2015. – S. 49].*

речах «айтишников», которая для носителя русского языка не что иное, как бессмыслица, например речь двадцатилетнего Бориса, обернувшегося демоном: *Дрова... ставь только самые необходимые. Если на Винде, то один только и-эн-эф-пакет для чипсета и драйвер видеокарты. Иначе, Конь, будет у тебя тормозя, конфликты и глюки. <...> С такими настройками софт протестирован в п...н раз лучше, чем с другими, понял? Не трогай... инсталляций в режиме фулл, бери в режиме дефолт, особенно на микросифе офис*¹ (выдержка из текста романа «Комьюнити» приведена с купюрами, поскольку специальная терминология пересыпана общенной лексикой).

Современная действительность определяется автором как попавшая под власть демона Абракадабры – это абсолютная бессмыслица, возникающая из-за потери базовых смыслов жизни, которые определяют ее общую основу и обуславливают взаимопонимание членов социума. Сформулированное положение можно считать семантическим оправданием слова АБРАКАДАБРА, введенного в качестве ключевого в ткань произведения. Но есть и другая сторона вопроса – эстетически-магическая, выходящая за пределы романа. Из восприятия носителем языка звуков родной речи можно вычислить звуко-буквенный образ слова.

Звукосимволизм

Американский психолингвист Чарльз Осгуд написал книгу «Измерение значения» (русский перевод 1972 г.). В историю мировой науки он вошел как разработчик метода семантического дифференциала – достаточно надежного инструмента исследования коннотативного значения слова. Этот метод был взят на вооружение исследователями звучания слова, поставившими перед собой достаточно нетривиальную задачу определить, существует ли связь между звучанием слова и его смыслом. Этот вопрос имеет давнюю историю – он определяет тему диалога Платона «Кратил». Но в современной трактовке проблема сводится к изучению перцептивной связи звука и смысла.

¹ Пример из: Иванов А. Комьюнити. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012.

Л.В. Щерба уделял большое внимание так называемому «субъективному методу», суть которого сводится к необходимости «регистрировать факты сознания говорящего на данном языке человека» и который он считает применительно к фонетике «лингвистическим по преимуществу», поскольку этот метод обращен непосредственно к индивидуальному сознанию, дающему «хотя бы в самых наивных заявлениях и наблюдениях» «драгоценный» источник информации о языке [Щерба, 1958, с. 113]. «Субъективный» метод приложим не только к звукам, но и к восприятию и оценке слова в целом, включая и его смысл [Чернейко, 1990, 2012]. А «драгоценным» источником информации является не только художественный текст, но и тексты других жанров, включая и научные («Звуки не только высоки, но и *тонки*, *толсты*, а греки говорили прямо об *острых* и *тяжелых* звуках. Звуки несомненно бывают большого объема и малого объема, густые, прозрачные, светлые, темные, сладкие, терпкие, мягкие, упругие и т.д. [Лосев, 1994, с. 31]), однако именно художественная проза дает множество примеров «метатекстовости»: *ТИЛЬ-ДА. Два слога. Беспомощная любопытная Т вползает в горло тонкой устрицей по ручейку И... пути мгновенно отрезаны клинообразным ЛЬ... и они сливаются, и повисают, и дрожат, и покачиваются, чтобы затем обрушиться вниз в пропасть однозначного ДА; ...слово «папарацци» такое клевое, модное и вкусное; Кстати, «грядущее» очень невкусное слово, в нем все, что я не люблю в русском языке* (Диана Арбенина. Тильда).

Группа отечественных исследователей предложила свою версию связи звучания слова и его смысла и свой ответ на вопрос, почему лилию называют ЛИЛИЯ, а не РЕПЕЙ. Если звуки слова АБРАКАДАБРА проверить по представленной в книге А.П. Журавлева [Журавлев, 1974, с. 46–49] шкале восприятия звуков (у исследователей – «звуко-букв») русского языка, то картина получается такой: сочетание «БР», повторяемое дважды, в целом характеризуется как «грубое, мужественное, могучее, страшное, злое, холодное, тяжелое, темное»; звук «Д» – «грубый, мужественный, холодный»; звук «К» – «грубый, темный, шероховатый». Вокальной прослойкой между согласными является звук «А».

Следует сделать особую оговорку: звук «А» в его полном звуковом обличье возможен только под ударением (трАвы). В первом предударном, а также в абсолютном начале и в абсолют-

ном конце слова этот звук представлен несколько ослабленным, но не потерявшим своих различительных способностей (травЫ, альбОм, сАжа). В других безударных слогах гласный «А» совсем ослабленный (тръваЯдные). Однако фонетика заклинаний представляет собой набор правил-исключений из общих правил произношения. Главное из них – четкость, внятность и неторопливость. Тогда и в заклинании АБРАКАДАБРА все «А» произносятся одинаково отчетливо, без какой-либо редукции. Интересный факт: гласные, в отличие от согласных, имеют явные цветовые проекции [Журавлев, 1974, с. 50–53]. Русский «А» – звук красного цвета¹. Таким образом, грубые, темные, мужественные согласные слова-заклинания разделяются красным гласным. Обычно заклинания многократно повторяются, но у слова заклинания АБРАКАДАБРА и здесь свои особенности: оно существовало в виде опрокинутого треугольника, в чем обнаруживаются иные ракурсы связанной с ним ассоциативности – анаграмматический и геометрический.

Буквосимволизм

В основании перевернутого треугольника лежит слово АБРАКАДАБРА. Левая сторона его – одни буквы «А», правая – если читать к вершине треугольника, т.е. сверху вниз, – складывается в слово АРБАДАКАРБА, которое не является чистым палиндромом, поскольку истинный палиндром читается одинаково в обоих направлениях (кроме всем известного *А роза упала на лапу Азора* их много: *Удавы рвали лавры в аду*).

Не является это слово и оборотнем, т.е. словом (или текстом), читающимся слева направо иначе, чем справа налево, но остающимся при этом осмысленным, например: *Я нем и нежен – Не жени меня; Уж ума гора – А рога мужу*. Если читать справа налево или с основания треугольника к его вершине, т.е. сверху вниз, то получается «двойная абракадабра» – бессмыслица (несу-

¹ Следует отметить, что цветовая проекция как звуков, так и отдельных слов, – достаточно распространенное явление художественного дискурса, сохранившееся и в современной литературе: *Но что такое победа? Какого цвета это слово? Для меня красное. Без полутонов, разве что чуть серого, в тон пепельных, вялых, скомканных сапог, торчащих из окопа. Красно-серое; Пурга – слово густо-синего цвета* (Д. Арбенина. Тильда. – 2018).

шествующее слово) в узаконенном обозначении бессмыслицы: АРБАДАКАРБА.

Аналоги такого прочтения и соответствующего восприятия написанного в русской литературе есть. Они интересны, но их не так много и касаются они городских надписей-вывесок. В повести А.П. Чехова «Скучная история» впавший в депрессию профессор Н.С. читает надпись «Трактир» как «риткарт». Шариков в повести «Собачье сердце» М. Булгакова повторяет загадочное АБЫРВАЛГ – аббревиатуру Главрыба. Все эти оборотни-бессмыслицы (своего рода «спунеризмы») имеют важное смыслообразующее значение в структуре художественного произведения. Бессмысленная на первый взгляд «аббревиатура наоборот» в структуре повести М. Булгакова является символом абсурдности происходящего. Этот спунеризм-оборотень сохраняет свою прагматику и в наше время, наполняясь оценочным смыслом в контексте заголовка статьи *Реорганизовать АБЫРВАЛГ!*¹ и в тексте статьи: *Так что сегодняшний АБЫРВАЛГ (напомню, так читалось Шариковым в «Собачьем сердце» Булгакова слово Главрыба) надо поставить с головы на ноги*¹, где спунеризмом АБЫРВАЛГ обозначен и референт (это министерство рыбного хозяйства), и негативная оценка его работы, что придает знаку статус прагмемы, т.е. свернутого до слова оценочного суждения. И оборотень АРБА-ДАК-АРБА (а именно такую этимологию дает упомянутый выше Словарь иностранных слов, где есть восходящее к др.-еврейскому *arba* – значимая цифра «четыре»), образующийся по правой стороне магического треугольника, ставит нас перед глубинно важной проблемой жизни и искусства – способом проникновения в абсурд как особую, превращенную форму смысла, его изнанку.

Осмысление бессмысленного, или философия абсурда

Философское понимание абсурда связывается с иррациональным, с тем, что с позиции формальной логики (причинно-следственных отношений, отношений части – целого и прочее) лишено всякого смысла и не имеет рационального объяснения. С этой позиции (да и с точки зрения здравого смысла) абсурдным

¹ Пример из: Литературная газета. – 2017. – № 50.

представляется вопрос, сформулированный Л. Витгенштейном: «Неужели ты готов утверждать, что среда толстая, а вторник худой или же наоборот? (Я склонен выбрать первое)...» [Витгенштейн, 1994, с. 303]. К. Бюлер отмечал «невосприимчивость языка к противоречию и восприимчивость к бессмысленности» [Бюлер, 1993, с. 64], т.е. возможность ее осмысления. Но языковые факты свидетельствуют, что язык восприимчив и к противоречию, иначе не было бы оксюморона.

В современном русском представлении среда – день герменевтического «примирения» поколений. Выводом, что *По крайней мере в среду мы понимаем друг друга!*, заканчивается забавный рисунок, где изображены симпатичные коровы по пять в два ряда в соответствии с днями рабочей недели, а сверху надпись *Вне праздников! Как чувствуют себя люди на работе*. Над первым рядом надпись *Люди старше 30 лет*, и корова, бодрая в понедельник, совершенно сникает в пятницу. Над вторым надпись *Люди моложе 30 лет*, и корова, «никакая» в понедельник, оживает в пятницу. Совершенно совпадают рисунки коров в среду. Среда и в современных русских шутках о днях недели представлена как особый день: *Среда – это маленькая пятница; Понедельник – послевыходной, вторник – предрабочий, среда – рабочий, четверг – послерабочий, пятница – предвыходной. Среда все портит*. Обыгрывается и омонимия слова СРЕДА: *Человека формирует среда, а деградирует он в пятницу*.

Существует интерпретация и других дней недели, в которой понедельник и пятница выступают антиподами, а пятница, выделенная особо, коррелирует с месяцем маем, противопоставленным всем прочим месяцам: *Как мы помним, в этом городе пятница всегда¹; Ну не может нормальный человек любить понедельник. Нормальный человек любит пятницу, потому что пятница – это предвкушение. От мая такое же ощущение, как от пятницы. Май – это вечная пятница. Май – начало единственного сезона, который способен примирить с отечественным климатом²*. Следует отметить, однако, что пальма первенства в формулировании «нелепых» вопросов принадлежит не австрийскому философу. Они представлены в русском фольклоре вопросами-шутками типа «Что

¹ Пример из: Арбат-Престиж. – 2006. – май, июнь

² Пример из: Пятница forever // Аэрофлот. – 2011. – Май.

общего между X и Y?» (*Что общего между студентом и ящерицей?*), а также небылицами (*Ехала деревня мимо мужика...*) и частушками (*Сидит заяц на заборе, ломом подпоясанный...*).

Наивная геометрия. «Опросный лист» В.В. Кандинского

Проекция абстрактных сущностей на эмпирически постигаемые предметы физического мира, обуславливающая их наглядность и конкретность и представленная эксплицитной (*нить мысли, стена равнодушия*) и имплицитной (*корни конфликта: конфликт = растение; трясина конфликта: конфликт = болото; конфликт разгорается: конфликт = пламя*) метафорами, являет собой метафорический модус существования абстрактных понятий (геогр. абстрактных сущностей) в сознании носителей языка. Он сопоставим с другим модусом, наглядным и абстрактным одновременно. Этот модус «геометрический» [Чернейко, 2000; 2010]. А геометрия, как отмечал Гегель, «имеет дело с чувственным, но абстрактным созерцанием пространства» [Гегель, 1974, с. 415]. Поэтому формы чувственно-абстрактного созерцания являются наиболее адекватным наглядным коррелятом абстрактной сущности. Когда мышление спотыкается на труднодоступном умпостигаемом, включается внутренняя геометрия (графика), проясняющая формы, конфигурации, взаимное расположение становящихся наглядными предметов ментального пространства.

Разница между изображением треугольника и тысячеугольника состоит в том, что первый имеет некий наглядный инвариант в сознании разных людей, поскольку есть визуально воспринимаемый прототип, а у второго такого прототипа нет. Тысячеугольник – это скорее логическая возможность фигуры, а вовсе не ее материализованность. Поэтому и образы тысячеугольника у разных людей будут разными, но тоже во многом совпадающими (подробнее см.: [Чернейко, 2015 б]). Если совпадение рисунков треугольника ничего не дает для размышления, то совпадение рисунков тысячеугольника позволяет ставить и рассматривать проблему когнитивной графики в ее приложении к визуализации содержания сложных знаков-символов, какими являются абстрактные имена.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. в лаборатории по физико-психическим исследованиям произведений искусства Рос-

сийской академии художественных наук В.В. Кандинский, изучая психологию восприятия формы и цвета, поставил и психолингвистическую проблему соотношения слова, смысла и геометрической фигуры. Общий вопрос В.В. Кандинского касался переживания испытуемого при созерцании им сложных рисуночных форм и отдельных геометрических фигур. Более частные вопросы, например о геометрической фигуре треугольник, выглядели так: «...не кажется ли Вам, что он движется, куда, не кажется ли он Вам более остроумным, чем квадрат; не похоже ли ощущение от треугольника на ощущение от лимона, на что похоже больше пение канарейки – на треугольник или на круг, какая геометрическая форма (квадрат или треугольник – Л. Ч.) похожа на мещанство, на талант, на хорошую погоду?» [Кандинский, 2001, с. 64].

Общий вывод В.В. Кандинского сводился к тому, что графическое выражение могут найти явления жизни в самом широком смысле этого слова – графически могут быть изображены весна, революция, любовь, смерть и многое другое. И «треугольность» такого имени, как АБРАКАДАБРА, имеет свое скрытое символическое значение, но уже на уровне зрительно воспринимаемой формы. В.В. Кандинский предполагал получить на свой опросный лист массовые ответы, которые, по его мнению, дали бы возможность на основании их обобщения установить «известную закономерность во впечатлениях и наблюдениях» [там же, с. 67]. Психо-социолингвистическое изучение языка вписывалось художником и теоретиком искусства в программу установления общих принципов связи всех родов искусства – живописи, музыки, поэзии, архитектуры, танца. Именно поэтому так важно для современного искусства, особенно для такого его направления, как экспрессионизм, теоретическое наследие В.В. Кандинского.

Когнитивная графика (геометрия) открывает новые перспективы в изучении абстрактных сущностей, позволяя выявить способы визуализации обыденных и научных абстрактных понятий и зрительно, а не ментально воспринять различия между близкими, но не тождественными сущностями. Открывается возможность создания не только словаря геометрических форм, релевантных для языкового сознания носителей языка, подобного «Симбола-риуму» П.А. Флоренского [Флоренский, 1996], но и изучения комбинаторики этих форм.

Вместо заключения

Б.В. Раушенбах пишет об уникальных способностях внелогического познания «находить в, казалось бы, хаотической картине разумную сущность» при условии, что человек «хотя бы примерно знает, к чему может сводиться эта сущность» [Раушенбах, 1996, с. 83]. Примерами подсознательной гармонизации хаоса, кроющегося в противоречивом содержании абстрактных имен, сложно преломляющих стоящие за ними фрагменты физического мира и создающих фрагменты мира духовного, является геометризация этого содержания. При этом визуальные геометрические (графические) образы абстрактных сущностей, интуитивные по своей природе, выполняют не только когнитивную, но и креативную функцию, высвечивая новые (окаzionaliальные для коллективного языкового сознания) элементы имманентного смысла абстракции. Важным фактором существования значимого для культуры абстрактного имени является его восприятие носителями языка, что создает вокруг имени ассоциативный ореол, высвечивающий все возможные проекции абстракции на предметы повседневного опыта. Звуко- и буквосимволизм имени, а также проекционная наглядность стоящей за ним сущности (включающая и геометризацию) создают тот фундамент, на котором стоит все здание абстракции-мифологемы. И то, что на поверхности или при беглом взгляде представляется бессмыслицей, то при погружении в суть, в самую глубину вещи оказывается ассоциативно и «доксально», т.е. мифологически организованным, поддающимся осмыслению целым.

Список литературы

- Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: УРСС, 2001. – 392 с.
- Современный словарь иностранных слов / Баш Л.М., Боброва А.В., Вечеслова Г.Л., Кимягарова Р.С., Сендровиц Е.М. – М.: Цитадель, 2000. – 960 с.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. – СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1890. – Т. 1. – 501 с.
- Бюлер К.* Теория языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1: А – З. – 700 с.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.
- Кандинский В.В. Опросный лист // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства. – М.: Гилея, 2001. – Т. 2. – С. 64–67.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
- Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 440–710.
- Культурология. Энциклопедия: В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – 1392 с.
- Немецко-русский словарь (Основной) / Лейн К., Мальцева Д., Зуев А., Цвиллинг М. – М.: Рус. яз., 1992. – 1040 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 6–216.
- Лосев А.Ф. Теория мифического мышления у Э. Кассирера // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 730–758.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 22-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 816 с.
- Прокубовский А.А. Категоризация интеллектуальных способностей человека и лексические маркеры понимания в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.
- Раушенбах Б.В. Поиск решения в задачах математического характера // Психологический журнал. – М.: Наука, 1996. – Т. 17, № 2. – С. 80–87.
- Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – М.: Сов. энци., 1980. – Т. 1. – С. 11–20.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – М.: Рус. словари, 1994. – Т. 1. – 844 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1: А – Д. – 576 с.
- Флоренский П. SYMBOLARIUM (Словарь символов) // Священник Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 564–590.
- Фромм Э. Забытый язык. – Ангарск: Формат, 1994. – 161 с.
- Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1990. – № 2. – С. 72–82.
- Чернейко Л.О. Геометрический модус существования абстрактных понятий в сознании носителей языка // Обработка текста и когнитивные технологии: Труды международной конференции когнитивного моделирования. – М., 2000. – Ч. 2, № 4. – С. 364–381.
- Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: Доклады XII международной конференции. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – Т. 1. – С. 162–175.
- Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2010. – 272 с.
- Чернейко Л.О. Семантическая деривация на службе у поэтической функции языка // Русский язык сегодня: Сб. докладов / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2012. – Вып. 5: Проблемы речевого общения. – С. 424–439.

- Чернейко Л.О. Грамматика семантики // Памяти А.А. Поликарпова: Сборник статей. [Электронный ресурс]. – М.: МГУ, 2015 а. – С. 551–556.
- Чернейко Л.О. Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен // Вопросы психолингвистики. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2015 б. – № 3 (25). – С. 106–119.
- Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общей ред. Н.Ю. Шведовой: В 4 т. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 3. – 952 с.
- Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – Т. 1. – 182 с.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
- Deutsch als Fremdsprache / Götz D. (Hrsg.). – München; Wien: Langenscheidt, 2015. – 1344 S.

References

- Balli, Sh.: Frantsuzskaya stilistika. URSS, Moscow (2001).
- Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Bash, L.M., Bobrova, A.V., Vecheslova, G.L., Kimyagarova, R.S., Sendrovits, E.M. (eds). Tsitadel', Moscow (2000).
- Brokgauz, F.A., Efron, I.A.: Entsiklopedicheskii slovar'. Vol. 1. Semenovskaya Tipografiya (Efron, I.A.), Saint-Petersburg (1890).
- Byuler, K.: Teoriya yazyka. Progress, Moscow (1993).
- Vitgenstain, L.: Philosophskie raboty. Part 1. Gnozis, Moscow (1994).
- Gegel, G.V.F.: Entsiklopediya filosofskikh nauk. Vol. 1. Mysl', Moscow (1974).
- Dal', V.I.: Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vol. 1: A – Z. Rus. yaz., Moscow (1981).
- Zhuravlev, A.P.: Foneticheskoe znachenie. LGU, Leningrad (1974).
- Kandinskii, V.V.: Oprosnyi list. In: Izbrannye trudy po teorii iskusstva. Vol. 2, pp. 64–67. Gileya, Moscow (2001).
- Kant, I.: Sochineniya v 6 t. Vol. 6. Mysl', Moscow (1966).
- Kassirer, E.: Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi kul'tury. In: Izbrannoe. Opyt o cheloveke, pp. 440–710. Gardariki, Moscow (1998).
- Kul'turologiya. Entsiklopediya: V 2-kh t. Vol. 1. ROSSPEN, Moscow (2007).
- LG: Literaturnaya gazeta. Issue. 50 (2017).
- Nemetsko-russkii slovar' (Osnovnoi). Lein, K., Mal'tseva, D., Zuev, A., Tsvilling, M. (eds). Rus. yaz., Moscow (1992).
- Losev, A.F.: Dialektika mifa. In: Mif – Chislo – Sushchnost', pp. 6–216. Mysl', Moscow (1994).
- Losev, A.F.: Teoriya mificheskogo myshleniya u E. Kassirera. In: Ernst Kassirer. Izbrannoe. Opyt o cheloveke, pp. 730–758. Gardariki, Moscow (1998).
- Ozhegov, S.I.: Slovar' russkogo yazyka. Rus. yaz., Moscow (1990).

- Prokubovskii, A.A.: Kategorizatsiya intellektual'nykh sposobnostei cheloveka i leksicheskie markery ponimaniya v russkom yazyke: PhD thesis. (2009).
- Raushenbakh, B.V.: Poisk resheniya v zadachakh matematicheskogo kharaktera. *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 17 (2), 80–87 (1996).
- Tokarev, S.A., Meletinskii, E.M.: Mifologiya. In: *Mify narodov mira*. Entsiklopediya v 2 t. Vol. 1, pp. 11–20. Sov. ents., Moscow (1980).
- Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Ushakova, D.N. (ed). Vol. 1. Rus. slovari, Moscow (1994).
- Fasmer, M.: *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Vol. 1: A – D. Progress, Moscow (1986).
- Florenskii, P.: SYMBOLARIUM (Slovar' simvolov). In: *Svyashchennik Pavel Florenskii*. Sochineniya v 4 t. Vol. 2, pp. 564–590. Mysl', Moscow (1996).
- Fromm, E.: *Zabytyi yazyk*. Format, Angarsk (1994).
- Cherneiko, L.O.: Geometricheskii modus sushchestvovaniya abstraktnykh ponyatii v soznanii nositelei yazyka. In: *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii kognitivnogo modelirovaniya*. Part 2. Vol. 4, pp. 364–381. (2000).
- Cherneiko, L.O.: Grammatika semantiki. In: *Pamyati A.A. Polikarpova*. Sbornik statei, pp. 551–556. MGU, Moscow (2015 a).
- Cherneiko, L.O.: Lingvisticheskaya relevantnost' ponyatiya «kontsept» In: *Tekst. Struktura i semantika: Doklady XII mezhdunarodnoi konferentsii*. Vol. 1. MGGU im. M.A. Sholokhova, Moscow, pp. 162–175 (2009).
- Cherneiko, L.O.: *Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni*. URSS, Moscow (2010).
- Cherneiko, L.O.: Otsenka v znake i znak v otsenke. *Filologicheskie nauki*. Vol. 2, 72–82 (1990).
- Cherneiko, L.O.: Polimorfnyi yazykovoi znak kak psikholingvisticheskii fenomen. *Journal of Psycholinguistics*. Vol. 3 (25), 106–119 (2015 b).
- Cherneiko, L.O.: Semanticheskaya derivatsiya na sluzhbe u poeticheskoi funktsii yazyka. In: *Russkii yazyk segodnya*. Issue 5: Problemy rechevogo obshcheniya: Sb. dokladov. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. Nauka, Moscow, pp. 424–439 (2012).
- Shvedova, N. Yu.: *Russkii semanticheskii slovar'*. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. Shvedova, N. Yu. (ed): V 4 t. Vol. 3. Azbukovnik, Moscow (1998).
- Shcherba, L.V.: *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike*. Vol. 1. Izd-vo Leningradskogo un-ta, Leningrad (1958).
- Yung, K.G.: *Arkhetip i simvol*. Renessans, Moscow (1991).
- Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt, München; Wien (2015).